Мечты темнокожей девочки

Автор:
Жаклин Вудсон

Мечты темнокожей девочки

Жаклин Вудсон

Loft. Национальная книжная премия США

«Мечты темнокожей девочки» – невероятные по своей силе мемуары знаковой американской поэтессы и писательницы Жаклин Вудсон.

В своей книге она расскажет о том, каково это – быть афроамериканкой и расти в Америке 1960-х и 1970-х годов. Каждая строка в этом произведении – проблеск надежды в душе ребенка, ищущего свое место в мире.

Жаклин Вудсон родилась в стране, где люди делились на черных и белых, в год, когда, по ее словам, «Юг взорвался». Она проделала огромный путь от маленькой девочки из Огайо, испытывающей трудности в обучении, до свободной женщины, нашедшей в себе смелость писать.

–НАЦИОНАЛЬНАЯ КНИЖНАЯ ПРЕМИЯ США

–ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ NEWBERY HONOR

–ВЫБОР КНИЖНОГО КЛУБА БАРАКА ОБАМЫ

Жаклин Вудсон

Мечты темнокожей девочки

Jacqueline Woodson

Brown Girl Dreaming

© 2014 by Jacqueline Woodson

© PaytonVanGorp / Shutterstock.com

© И. Ермолина., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Эту книгу я посвящаю своим родным: ушедшим, ныне живущим и еще не родившимся.

С любовью

Жизнь без мечты —

Как без полета птица,

Сломавшая крыло.

Жизнь без мечты —

Унылая равнина,

Что снегом

занесло.

Лэнгстон Хьюз

Часть I. Я родилась

12 февраля 1963 года

Я появилась на свет во вторник в роддоме Университетской больницы Колумбуса, штат Огайо.

В Америке – стране,

где люди делятся

на Черных и Белых.

Город, где я родилась, находится

совсем недалеко

от тех плодородных полей,

где

не так уж много лет назад

работали мои прапрадедушки и прапрабабушки.

Рабы.

От рассвета до заката.

Без зарплаты.

Они пили прохладную воду из выскобленных тыкв,

смотрели на небо и следовали за

мерцающими созвездиями

к свободе.

Я родилась, когда Юг взорвался.

Слишком много людей слишком много лет

томились здесь в рабстве. Потом рабство отменили,

но я и люди, подобные мне, по-прежнему боремся за свободу,

выходим на марши,

отдаем жизни

за то, чтобы и сегодня,

12 февраля 1963 года, и в любой другой день темнокожие дети, как я, росли свободными. Могли учиться и голосовать, ходить и ездить там, где нам хочется.

Я родилась в Огайо, но

истории Южной Каролины,

словно реки,

бегут по моим венам.

Второй день на Земле второй дочки

В моем свидетельстве о рождении написано: чернокожая, пол женский.

Мать: Мэри Энн Ирби, 22 года, чернокожая.

Отец: Джек Остин Вудсон, 25 лет, чернокожий.

В Бирмингеме, штат Алабама, Мартин Лютер Кинг-младший собирается с маршем на Вашингтон, где правит президент Джон Ф. Кеннеди.

В Гарлеме борец за права чернокожих Малкольм Икс с импровизированной трибуны призывает к революции.

За окном Университетского госпиталя

медленно кружатся снежинки.

Их так много, они заметают

бескрайние просторы Огайо.

Всего семь лет прошло с тех пор, как в Монтгомери Роза Паркс отказалась уступить место в автобусе белому пассажиру.

Я родилась со смуглой кожей, черными волосами

и широко распахнутыми глазами.

Я стала негритянкой для одних

и цветной – для других.

Где-то

Певцы Свободы, взявшись за руки,

поют:

В сердце вера живет,

Что победа придет,

Что однажды победа придет.

Где-то Джеймс Болдуин

в каждом романе, в каждой статье каждым словом обличает несправедливость

и изменяет мир.

А я еще не знаю, кем я стану, что скажу

и какими словами…

И трех лет не прошло с тех пор, как чернокожая девочка Руби Бриджес

ступила на порог школы для белых. Вооруженная охрана окружала ее, в то время как сотни белых людей плевались и выкрикивали оскорбления.

Девочке было шесть лет.

Сейчас я еще не знаю, буду ли

такой же сильной, как Руби,

и каким будет мир,

когда я наконец научусь ходить,

говорить, писать…

«Еще одна каштановая малышка!» – сказала маме медсестра в роддоме.

Меня с первых же минут назвали

в честь моего штата.

Ведь Огайо – Каштановый штат.

Мои пальчики

непроизвольно сжимаются в кулачки.

«Как и у всех младенцев», – говорила моя мама.

Неизвестно, какими станут эти маленькие ручки.

Может, они будут как у Малкольма – поднятые

и сжатые в яростный кулак,

или как у Мартина – протянутые

людям навстречу и вопрошающие,

или как у Джеймса – быстро записывающие

слова на бумаге.

Может, как у Розы

или у Руби,

в аккуратных перчатках,

то яростно сжатые,

то спокойно лежащие на коленях или на столе,

перелистывающие книгу,

готовые

изменить мир к лучшему…

Девочка по имени Джек

– У меня прекрасное имя.

Почему бы не назвать так же и дочку, – сказал мой отец, когда я родилась.

Но женщины нашей семьи не согласились.

И в первую очередь мама.

А потом одна за другой и все мои тети,

которые, откинув розовое одеяльце,

трепали мои кудряшки,

тянули меня за крохотные пальчики

и нежно поглаживали щечки.

– Мы не позволим назвать девочку Джек! —

заявила мама.

А сестры отца перешептывались:

– Хватит нам одного Джека. И этот-то не больно удался.

Но говорилось это лишь для маминых ушей.

Отец не отступал:

– Назови девочку Джек – и она непременно вырастет сильной и самостоятельной.

Воспитай ее правильно – и она прославит это имя.

– Девочке по имени Джек

обеспечена двойная порция внимания, – убеждал отец.

– Ну разумеется, станут спрашивать, не сумасшедшие ли у нее родители, – хмыкнула мама.

Это продолжалось до тех пор, пока меня не назвали Джеки и отец в ярости не покинул больницу.

Когда нужно было вписать мое имя,

мама попросила у тетушек ручку и написала:

«Жаклин».

Жаклин – на тот случай, если кому-нибудь вздумается выбросить «и» на конце имени «Джеки».

Нет, только Жаклин. Ведь я вырасту, и, возможно,

мне захочется имя подлиннее.

И совсем не похожее на Джека.

Вудсоны из Огайо

Историю отцовской семьи

можно проследить от Томаса Вудсона из Чилликота.

Вроде бы он был первым сыном

президента Томаса Джефферсона

и его рабыни Салли Хемингс.

Правда, некоторые говорят, что это неправда, но…

…но Вудсоны из Огайо уверены, что их родственники

еще с библейских времен оставили свой след

и в истории,

и в легендах, да и в будущем оставят.

Спросите любого из Вудсонов —

как оказалось, у них в роду есть

доктора и юристы, учителя и спортсмены,

ученые и политики, —

и вам ответят:

– У нашей семьи было блестящее начало! Томас Вудсон возлагал на нас большие надежды.

Устроившись поудобнее, сложив руки на груди, ваш собеседник улыбнется так, будто он древний мудрец, и начнет рассказывать нашу длинную-предлинную

историю:

– Итак, все началось задолго до Томаса Джефферсона Вудсона из Чилликота…

Призраки Нельсонвилла

В этом городе живут несколько негритянских

семей,

и Вудсоны – одна из них,

их большой белый дом

стоит на высоком холме.

Сквозь высокие окна

видна кухня,

залитая бледным нельсонвиллским солнцем.

В Огайо долгие зимы,

и с наступлением холодов

в гостиной зажигают камин.

Снова весна, и теперь

золотые солнечные зайчики весело скачут по сосновому полу.

Когда-то в доме было много детей,

они носились по лестнице вверх и вниз, прятались под кроватями и в сундуках,

пробирались на кухню, чтобы стащить кусочек торта из холодильника или холодного жареного цыпленка, а то и ухватить толстый ломоть медового окорока, приготовленного мамой…

Здесь прошло детство моего отца, эти стены знали его малюткой в колыбели, видели, как он рос…

Как давно это было.

На снимках дедушка всегда выше всех,

а бабушка лишь на дюйм ниже.

Повсюду на стенах фотографии их детей. Они бегают по полям, плещутся в бассейнах, танцуют на школьных вечеринках.

Сейчас все они выросли и разъехались —

но подождите!

Посмотрите повнимательнее.

Вот тетя Алисия, совсем крошка,

по плечам рассыпаны кудряшки,

она едва удерживает букет,

слишком большой

для ее маленьких ручек.

Здесь ей всего четыре года, а она уже умеет читать.

Рядом другой снимок, моего отца, Джека,

старшего сына.

Ему восемь, и на фото он ужасно злится на что-то.

А может, на кого-то, кого мы не видим?

Вот дядя Вуди,

жизнерадостный малыш, смеется и показывает пальчиком на дом.

А может, его просто развеселил старший брат?

Вот тетя Энни в униформе медсестры,

тетя Ада в джемпере с эмблемой университета.

Истинные дети Каштанового штата…

Дети Хоупа и Грейс, имена которых

означают «надежда» и «милосердие».

Вглядитесь в эти фото.

И вы увидите меня, ведь у меня

такие же изогнутые брови, как у Джека,

такая же лукавая улыбка, как у Алисии,

такие же гибкие руки, как у Грейс. В них я вижу себя…

Свои истоки.

Порой будет страшно

Мой прапрадедушка с отцовской стороны

родился свободным в Огайо

в 1832 году.

Он построил дом и работал на земле, а когда ферма перестала приносить доход, стал углекопом. Храбро сражался в войну.

Теперь его имя можно увидеть на мемориале афроамериканцам, участвовавшим в Гражданской войне на стороне Севера:

Уильям Дж. Вудсон

Цветные войска США, рота Б

5-го полка.

Он погиб много лет назад, но на этом памятнике в Вашингтоне

он по-прежнему жив и идет в бой плечом к плечу с товарищами.

Его сына отправили к тете в Нельсонвилл.

Уильям Вудсон,

единственный чернокожий ученик в школе.

– Когда-нибудь и вы с этим столкнетесь, – снова и снова будет твердить нам мама. – Когда приходишь куда-нибудь, и вдруг оказывается, что ты не такой, как все остальные.

Да, порой будет страшно. Но вспомните о Уильяме Вудсоне, и страх исчезнет.

Футбольные мечты

На футбольном поле моему отцу не было

равных.

Никто лучшего его не мог отправить мяч с фланга в центр поля, а потом точным ударом отбить его в зону противника.

Тренеры не могли не заметить, как стремительно

он двигается, какой широкий у него шаг

и длинные руки, захватывающие мяч прямо

в воздухе.

Отец спал и видел себя футболистом – и однажды проснулся стипендиатом

Университета штата Огайо.

Теперь он стал взрослым,

жил в большом городе

Колумбусе, всего в шестидесяти милях

от Нельсонвилла,

а отсюда, если ехать на запад

по федеральной трассе 70, попадешь в Чикаго,

а 77-я ведет прямиком на юг.

Но отец сказал, что ни один цветной из Каштанового штата,

если он в своем уме, и не подумает туда ехать.

– Хотя из Колумбуса можно добраться куда угодно, – говорил он.

Что помнят другие

– Ты родилась утром, – говорила бабушка Джорджиана. – Помню, как раскричались птицы…

Эти противные голубые сойки.

Опасные создания – держись от них подальше.

Говорят, они могут и кошку заклевать, если разозлятся.

А потом зазвонил телефон.

В трубке трещало, шумело,

но я услышала голос твоей мамы и узнала от нее,

что ты родилась.

Стояла и думала: «Вот и еще одна девочка, как быстро летит время, давно ли появилась на свет ее сестренка».

Совсем как твоя мама и Кэролайн —

у них разница меньше года, одна за другой,

даже и не помню их по отдельности.

Так что ты родилась утром. Знаю это совершенно точно.

– Ты родилась ближе к вечеру, – уверяла мама. – Всего через два дня, как мне исполнилось двадцать два.

Папа в этот день работал.

Пытался приехать в больницу

до твоего рождения,

но пока добирался в час пик,

ты уже родилась.

Так что твое появление на свет он пропустил, но ничего нового он бы не увидел.

– Была почти ночь, когда ты родилась, —

говорил папа. – Увидев тебя, я сказал: «Не повезло девчонке с внешностью – моя копия». – Он рассмеялся. – И с места в карьер заявил твоей маме: «Раз так, у нее должно быть и мое имя».

Время моего рождения забыли внести

в свидетельство,

а потом оно стерлось

и из памяти моих близких.

Возврата не будет

Когда мама принесет меня из роддома домой,

мой старший брат

откинет розовое одеяльце,

посмотрит на меня и скажет:

– У нас уже есть такая. Зачем нам две одинаковые? Верни ее назад.

Ему уже три года, но он все еще не в силах понять, почему такую маленькую и совсем новенькую куклу нельзя сдать обратно.

Как слушать № 1

Где-то в моей голове каждый смех, плач или колыбельная становятся воспоминанием.

Дядя Оделл

За полгода до рождения моей сестры дядя Оделл, военный моряк, приезжает в отпуск домой в Южную Каролину и попадает под машину.

Когда в Нельсонвилле раздался телефонный звонок, может быть, мама развешивала белье или сидела на кухне, приглушая в сердечной беседе со свекровью Грейс тоску по собственной матери и отчему дому.

Может, родители уже собрали вещи

и собирались уезжать в Колумбус —

отец называл его Большим Городом —

домой, ведь их дом был теперь там.

Но каждую субботу утром они садились в машину и целый час ехали в Нельсонвилл,

где оставались до вечера воскресенья.

И, наверное, до этого звонка им казалось,

что завтра снова начнется череда

ничем не примечательных будней.

Но уже летела из Южной Каролины

весть о смерти моего дяди, пришедшая в Огайо холодным мартовским утром, и этот пасмурный день навсегда оставил глубокую рану в душе моей матери.

– Твой брат… – только и смогла произнести бабушка,

а дальше мама слышала лишь ее рыдания.

Воздух наполнился болью,

заныло сердце, которое было спокойно

еще мгновение назад,

и появилась пустота в душе,

будто оттуда вырвали огромный кусок.

Хорошие новости

Еще несколько месяцев промозглая зима в Каштановом штате не вступит в свои права, и в сентябре,

в один из последних солнечных деньков, появится на свет

моя старшая сестра Оделла Кэролайн —

ее назвали так в честь дяди Оделла и тети Кэролайн.

В Южной Каролине звонит телефон.

Пока мамина мама идет к нему, она на мгновение закрывает глаза и, открыв, окидывает взглядом двор. Подходит к телефону и смотрит, как сквозь пышные кроны высоких сосен падают на землю лучи солнца, заливая все вокруг ласковым сентябрьским светом…

Она берет телефонную трубку

и молится про себя:

«Только бы новости были хорошими,

только бы сладкая осенняя прохлада наконец подарила ей надежду».

Мама и Грейс

Мою маму и Грейс, мать моего отца, объединяет их родина – Юг.

Ведь семья Грейс тоже из Гринвилла.

Поэтому моя мама

всегда будет для нее родная —

по-другому, не так, как собственные дети,

которые не способны понять ее до конца.

– Уж ты-то хорошо знаешь, кто такие Вудсоны.

И эти Вудсоны, и этот их Север, – говорит Грейс,

и ее слова вызывают у мамы улыбку, напоминают,

что Грейс, как и она сама,

не всегда была Вудсон, а кем-то совсем иным.

Когда они вместе друг с другом, они дома,

Грейс для мамы такая же родная, как воздух Гринвилла.

Обе владеют искусством вести разговор без слов. Изобретение южан – потому что лето

у них такое знойное, что

любые слова будто тают во рту.

И южане молчат,

глядя вдаль,

только кивая, хотя, казалось бы,

ничего не происходит,

но этот безмолвный кивок всегда понятен тем,

к кому он обращен.

И здесь, в Огайо, мама и Грейс не боятся долгих пауз в разговоре.

Им хорошо уже оттого, что рядом родственная душа.

Все же несколько слов мама произносит —

о том, как не хватает ей погибшего брата Оделла. И снова молчание – уже другое,

но каждая знает, о чем оно.

– Какая потеря для тебя, – произносит Грейс. – Думаю, он был нужен Богу, а взамен тебе послана малышка.

Но обе они знают, что

рана в душе все еще не исчезла.

– Ну-у-у, – протягивает мама.

– Боже, благослови и мертвых, и живых! – просит Грейс.

И дальше снова молчание. Зачем что-то говорить, раз сказать больше нечего.

Каждую зиму

Каждую зиму,

как только первые снежинки полетят с неба, моя мама едет домой в Южную Каролину.

Иногда

вместе с отцом, но чаще

без него.

Сначала она садится в автобус одна.

Через год с ребенком,

еще через год с двумя,

и наконец их уже трое: Хоуп и Делл по бокам вцепились в мамины ноги, и я

на руках. Перед отъездом

родители всегда ругаются.

Отец хочет жить только в Огайо,

но для мамы Огайо никогда не станет домом,

сколько бы цветов ни заносила она со двора в дом

каждую зиму, нежно напевая над ними,

согревая дыханием и ласковыми словами

каждый листочек.

И растения отвечают ей тем же: не перестают цвести,

даже когда выпадает снег.

Они для нее символ

вечнозеленого Юга.

Напоминание о настоящей жизни

где-то далеко.

Путешествие

– Оставайтесь на вашем Юге, а я о нем и слышать не хочу! – говорит отец. – К нам там так относились,

что я не раздумывая забрал оттуда вашу маму

и привез прямиком сюда, в Огайо!

Сказал ей, что никогда никто из Вудсонов не будет сидеть в автобусе только на задних местах.

Никогда не будут Вудсоны расшаркиваться перед белыми:

«Да, сэр», «Нет, сэр».

Никогда не будут Вудсоны покорно опускать глаза.

Вы мои дети, вы не станете терпеть это!

Дети Вудсонов нисколько не хуже белых. Они достойны другой жизни…

– Богом клянусь! – повторяет отец. – И слышать не хочу о вашей Южной Каролине.

Гринвилл, Южная Каролина, 1963 год

В автобусе мама ведет нас в самый конец.

1963 год,

Южная Каролина.

Слишком опасно сидеть на передних местах,

и не дай бог попросить о помощи водителя.

Это считалось бы неслыханной наглостью с нашей стороны. Не место и не время.

Мне всего три месяца, мама держит меня на руках.

Рядом вжались в кресла сестра и брат. На нем

белая рубашка и черный галстук, голова его

выбрита. У сестренки в косичках белые

ленточки.

– Сидите тихо, – говорит мама и велит брату вынуть палец изо рта.

Брат и сестра послушно делают все, что скажут.

Правда, им непонятно, зачем такие строгости.

– Здесь вам не Огайо, – напоминает мама, как будто мы что-то понимаем.

Ее губы чуть тронуты помадой, спина

напряженная и прямая, будто линия с надписью «НЕ ПЕРЕСЕКАТЬ! ДЛЯ ЦВЕТНЫХ ТОЛЬКО ЗАДНИЕ МЕСТА!»

Вы должны пропустить белого, если окажетесь у него на пути, нельзя смотреть белым

прямо в глаза. Да, сэр. Нет, сэр.

Примите извинения.

Мама смотрит куда-то вдаль, ее мысли

далеко отсюда.

Потом лицо ее смягчается, она нежно гладит брата по теплой макушке. Ему три года, его интересует все, что происходит вокруг, он смотрит на мир во все глаза, а его большие уши хотят услышать каждый звук.

– Мы такие же люди, как все, – шепчет мама.

Такие же, как все.

Дома

И вот…

Мы стоим посреди огромного двора, у небольшого дома из красного камня, дома моих бабушки

и дедушки.

Холл-стрит.

Рассохшееся крыльцо не мешало бы покрыть маслом.

Цветущая азалия в горшке.

Сосна.

Красноватая грязь, прилипшая к начищенным туфлям мамы.

– Добро пожаловать домой! —

приветствуют нас бабушка с дедушкой.

Теплые коричневые руки

обнимают нас. Вытирают слезы маме

белым платком с голубой каемкой. И я, их новое дитя,

погружаюсь в эту бездонную любовь.

Кузены

День рождения мамы, громко играет музыка.

Собрались все ее двоюродные братья и сестры – как бывало раньше, когда она жила дома.

Это с ними она играла в детстве.

То и дело слышится:

– А помнишь, как мы украли персиковый пирог с подоконника миссис Картер, как провалились в канаву рядом с домом Тодда, как перелезли через забор и пробрались в общественный бассейн. И ведь не боялись, что нас арестуют! Никто не говорил нам, где можно купаться, а где нельзя!

И мама смеется, вспоминая это.

По радио Сэм Кук поет «Твист всю ночь напролет»:

Знаешь, есть такое

Чудное местечко

В городе Нью-Йорке,

Где-то на задворках.

Кузены приехали издалека, из Спартанбурга, – парни в узких брюках, девушки в пышных широких юбках, которые взлетают и развеваются, когда гости отплясывают твист ночь напролет.

Кузина Дороти танцует со своим женихом, он крепко держит ее руку.

С мамой танцует кузен Сэм, всегда готовый подхватить ее, если вдруг

она вздумает упасть, как в тот раз, говорит он.

И мама вспоминает, как в детстве залезла высоко на дерево, испугалась, а когда посмотрела вниз, увидела Сэма – он ждал ее, чтобы помочь.

Веселятся люди здесь,

Будто нет у них забот,

И танцуют твист они

Ночи напролет.

– Мы так и знали, что ты не приживешься на Севере, – говорят кузины. – Ты наша, твое место здесь, рядом с нами.

Мама откидывает назад голову,

ее завитые и уложенные волосы блестят,

она улыбается так же, как она улыбалась раньше,

пока не уехала в Колумбус.

Она снова Мэри Энн Ирби,

младшая дочь Джорджианы и Гуннара.

Она дома.

Ночной автобус

Отец приезжает на ночном автобусе, мнет в руках шляпу. Май, идет дождь.

Когда он кончится, в воздухе разольется сладкий аромат

жимолости, а пока небо плачет, как и мой отец.

– Прости меня, – шепчет он.

На этот раз война окончена.

Завтра мы уедем в Колумбус в Огайо,

Хоуп и Делл будут бороться за место на коленях отца. Гринвилл со своей особой жизнью скроется где-то вдали.

А пока мои родители стоят под теплым дождем Каролины, не в силах разомкнуть объятия.

Сейчас для них нет ни прошлого.

Ни будущего.

Лишь безграничное счастье настоящего.

После Гринвилла № 1

Когда цыпленок поджарен, завернут в вощеную бумагу, аккуратно упакован в картонные коробки из-под обуви,

которые перевязывали веревкой…

Когда кукурузный хлеб порезан на кусочки, персики вымыты и высушены…

Когда сладкий чай разлит по стеклянным банкам и на них туго закручены крышки,

а фаршированные яйца уложены в ячейки специального фарфорового контейнера – он теперь принадлежит маме, это подарок

от ее матери перед предстоящей дорогой…

Когда одежда сложена в чемоданы, ленты и рубашки выстираны и отглажены…

Когда мама подкрасила губы, а папа сбрил колючую щетину…

Когда наши лица смазали вазелином, а потом

промокнули холодной влажной салфеткой…

…наступает время прощаний.

Бабушка обнимает нас всех вместе и прижимает нашу маленькую стайку к своему фартуку, быстро смахивая слезы с глаз…

Когда наступает ночь, чернокожие люди могут уехать с Юга и не бояться, что их остановят, а может, и изобьют и обязательно спросят:

– Вы не из Наездников свободы? Или, может, из борцов за гражданские права? Какое вы имеете право…

Ночью мы садимся на автобус компании «Грейхаунд», который отправляется в Огайо.

Реки

Река Хокинг, словно поднимающаяся рука, ответвляется от реки Огайо и быстро бежит через города, будто

стремится обрести свободу, как и штат Огайо, который на карте рвется вверх на север и убегает подальше от Виргинии,

от Юга.

Каждый город на берегах Хокинга имеет свою историю: Атенс,

Кулвилл, Ланкастер, Нельсонвилл,

каждый

надеется, что воды Хокинга унесут с собой все их невзгоды. Потом,

будто вспомнив о своих корнях и о своих владениях, Хокинг поворачивает обратно и вновь соединяется с Огайо,

будто хочет сказать:

– Прости.

Будто хочет сказать:

– Меня долго не было, но вот я вернулась, я снова дома.

Отъезд из Колумбуса

Когда родители поссорятся окончательно,

моему старшему брату будет четыре года,

сестре около трех,

а я только что отпраздную свой первый день рождения.

Правда, никакого праздника

не будет.

От того времени осталась только одна фотография, на которой родители вместе, —

свадебный снимок, вырванный из местной газеты.

Отец в костюме и галстуке,

мама в белом платье, очень красивые, хотя никто из них не улыбается.

Только одна фотография.

Возможно, воспоминания о Колумбусе были слишком тяжелы для мамы, чтобы хранить снимки из той жизни.

Возможно, память о маме всегда отзывалась болью

в душе отца.

Как уходила мама? Как это было?

Женщина ростом почти шесть футов,

с прямой спиной и гордой осанкой

идет по улице холодного Колумбуса, по бокам двое малышей, на руках я, ведь я тогда еще не научилась ходить.

Мой отец, чья красновато-коричневая кожа

потом будет напоминать мне красную плодородную землю Юга, одной рукой держится за металлическую ограду, а другой лениво машет нам вслед.

Провожает нас, будто обычных гостей после воскресного ужина.

Часть II. Истории Южной Каролины текут, как реки

Наши имена

В Южной Каролине мы становимся

Внуками

Гуннара, тремя маленькими внучатами сестры Ирби,

детьми Мэри Энн.

И когда бабушка зовет нас по именам, они сливаются в одно:

ХоупДеллДжеки,

но дедушка

никогда не торопится

и произносит каждое отдельно,

будто впереди у него целый день

или даже вся жизнь.

Огайо уже в прошлом

Когда мы спрашиваем маму, надолго ли мы

здесь останемся, иногда она отвечает: какое-то

время, – а иногда говорит нам, чтобы больше

не спрашивали,

потому что она сама не знает, сколько мы пробудем

в доме,

где она выросла,

на земле, где ей все знакомо.

Когда мы расспрашиваем, она рассказывает

нам,

что когда-то этот был ее родной дом,

но сейчас ее сестра Кэролайн, наша тетя Кей, переехала

на Север,

старший брат Оделл погиб,

а младший, Роберт, говорит, что почти уже накопил денег,

чтобы уехать к Кэролайн в Нью-Йорк.

– Может, и мне стоит перебраться туда? – раздумывает она. – Раз все остальные разъехались.

Все остальные

разъехались.

И без них возвращение домой совсем не похоже на настоящее.

Сад

Каждую весну

в каждом клочке черной земли Николтауна

ты чувствуешь обещание тех даров, которые

получишь,

если распашешь поле,

засеешь его и

защитишь от сорняков.

Мой южный дедушка не застал рабства.

Его дед был рабом.

Его отец работал на земле с утра до вечера, получая за это

мизерную плату и немного хлопка.

Ну а дедушка верит, что на земле нужно трудиться не покладая рук, и тогда она даст тебе все, что попросишь.

Сладкий горошек и листовую капусту, перец и огурцы, салат-латук и дыню,

ягоды и персики, а однажды дедушка

говорит:

– Может, я когда-нибудь сумею

вырастить пекановое дерево.

– Бог дает человеку все, что ему нужно, – считает бабушка. – Лучше не просить о большем.

Дедушка только хмыкает в ответ. И продолжает

работать на земле,

получая от нее все, что нам нужно,

и даже больше.

Дети Гуннара

В сумерках, когда замерцают светлячки, дедушка возвращается

домой.

Мы видим, как он медленно идет по дороге, серебристая коробка для ланча ударяется о ногу и позвякивает. Когда он подходит ближе, мы слышим, как он напевает:

Где свадебный ужин нас ждет на столе?

На дереве том, в глубоком дупле, а-ха-ха…

– Добрый вечер, миз Клара, приветствую вас, миз Мэй. Как ваша нога, миз Белл?

Что у вас на ужин, тетушка Шарлотта, наверное, собираетесь угостить меня чем-нибудь вкусненьким?

Его голос гремит по всей Холл-стрит, разносится по дорогам Николтауна, а может, и дальше по всему свету…

Кто знает, может быть, он слышен и тете

Кей

всю дорогу, пока она едет

до Нью-Йорка,

и она думает, не вернуться ли домой…

Когда он уже рядом с домом, мы подбегаем и повисаем на нем, как на дереве, а он начинает громко хохотать.

Мы зовем его Папочка.

Так его называет мама.

И мы думаем, что так и надо.

Наверное, во всем Гринвилле не найдется человека выше нашего Папочки.

И красивее тоже —

его лицо с квадратным подбородком и светло-карими глазами ничем не напоминает наши

черноглазые узенькие личики. Дует сильный

ветер, а его рука, такая теплая и сильная, крепко держит мою, пока я подпрыгиваю рядом.

Он говорит:

– Все вы дети Гуннара. Всегда об этом

помните.

Всегда об этом помните…

Так и проходят наши вечера в Гринвилле,

Папочка

Возвращается домой,

я прыгаю у него на руках,

вокруг остальные,

все улыбаются,

болтают,

все так любят его.

В конце дня

За печатным станком

вместе с дедушкой работают белые.

К концу дня руки у них так перепачканы краской,

что вряд ли их можно отличить от рук негра.

И хотя он их начальник и к нему положено обращаться

«мистер Ирби», они называют дедушку просто «Гуннар».

По их глазам дедушка видит, что многие из них

не понимают, как могло случиться, что ими командует

цветной.

Никогда такого не было. Им трудно привыкнуть.

Юг меняется слишком быстро.

Иногда белые не слушаются его.

Иногда отлынивают от работы.

В конце дня газета выходит, станки останавливают, рабочие ставят в табеле отметку и расходятся по домам, но

в Николтаун возвращаются только

цветные.

Здесь, куда ни кинешь взгляд: направо ли, налево, назад или вперед – всюду увидишь коричневые лица. Город Цветных. Город Негров. Так в двух словах можно сказать про место, в котором мы живем.

Бабушка говорит,

на Юге так везде.

– Раньше цветные жили там, где скажут.

Но сейчас другое время.

И люди прямо-таки рвутся уехать, куда они хотят.

И все равно в тот вечер жизнь в Николтауне кажется мне прекрасной.

Домработницы

Многие цветные женщины устраиваются

приходящими домработницами.

По утрам их черные тела тесно прижаты друг

к другу в переполненных автобусах, которые

едут из Николтауна на другой конец

Гринвилла,

где живут белые.

Об этом нам рассказывает бабушка,

надевая на голову маленькую шляпку,

прикалывая к ней булавку с топазом и

натягивая белые перчатки

на мягкие темные руки.

Два дня в неделю она, как и эти женщины, ездит на вторую работу, которая теперь особенно нужна,

ведь нужно кормить еще четверых,

а денег от работы на полставки в школе больше не хватает.

– И я не стыжусь этого, – говорит она. – Работа

по дому – как раз то, что я умею. Этим я могу

заработать денег для моих детей, так чего мне стыдиться.

Когда она возвращается вечером, ее руки бледные от стирки чужой одежды – «В основном приходится

руками», —

лодыжки отекшие, ведь она целый день на

ногах,

заправляет постели и подметает пол, смахивает пыль с гардин,

убирает за чужими детьми, готовит – всего и не

перечесть.

– Никому из вас не пожелаю такой работы, – говорит она нам. – Я ее делаю, чтобы вам не пришлось этого испытать.

И, наверное, по всему Николтауну дети слышат сейчас те же слова.

– Принесите английскую соль, – просит бабушка, откидывается в мягком коричневом кресле и прикрывает глаза.

Когда в нем сидит не она, а мы с Хоупом и Делл усаживаемся бок о бок, то остается место для кого-нибудь еще.

Мы наливаем теплую воду, добавляем соль, размешиваем, осторожно приносим тазик и ставим у бабушкиных ног. Каждому хочется потереть распухшие бабушкины лодыжки,

увидеть благодарную улыбку на ее лице, послушать ее истории в тишине

комнаты.

– Когда я уходила сегодня из одного дома,

пол был такой чистый, хоть ешь с него, – тяжело вздыхая, говорит бабушка. – Но видели бы вы, что творилось в комнатах, когда я пришла. Будто черти побывали там и перевернули все вверх дном…

Колыбельная

Ночью кажется, что все живые существа соревнуются в том, кто кого перекричит.

Трещат сверчки,

лягушки не отстают и громко квакают в ответ.

Иногда где-то в соснах ухает

невидимая сова.

Даже собаки не улягутся спать, пока не повоют

на луну.

Но сверчки всегда побеждают.

Уже угомонились лягушки,

и сова улетела домой.

Давно умолкли собаки, проиграв битву со сном,

а сверчки все выводят свои рулады,

будто знают, что поют нам колыбельную.

Библейские времена

На полочке у кровати бабушка хранит Библию. Вечером она читает ее, нашептывая что-то, и наутро обязательно рассказывает нам,

как Ной слушал слово Божье, узнал о потопе и взял на свой ковчег по паре всех зверей. И когда вода обрушилась на землю, он спасся,

а все грешники утонули.

И мы тоже спаслись, ведь сейчас утро, а значит, Бог услышал нас, и из Николтауна до него донеслись наши вечерние молитвы:

– Иегова, смилуйся и даруй нам новый день!

Еда забыта. Моя рука с теплым печеньем, пропитанным маслом, останавливается на полпути ко рту.

– Сколько же воды вылилось на землю, если все грешники утонули? А как они обманывали и грешили? А в потоп были гром и молния? А почему Ной не боялся, что кобра его укусит, или бык забодает, или пчела ужалит?

Нашим вопросам нет конца,

но еще больше нам не терпится послушать, что было дальше,

поэтому, когда бабушка говорит:

«Да помолчите вы! Дайте досказать!» —

мы умолкаем.

Мечты Иакова о лестнице в небо, Иисус в окружении детей. Моисей на горе, глас Божий среди бури и огня и заповеди на каменных скрижалях. Даже Саломея поражает наше воображение своим желанием получить человеческую голову на блюде – как можно пожелать такого, да еще и жить дальше как ни в чем не бывало?

Приходит осень.

За окном дует ветер, шумят сосны.

Мы дома, слушаем истории, едим печенье, кукурузную кашу и яйца, а маленькая пузатая печка наполняет

теплом нашу гостиную.

Мы все еще дрожим, размышляя о злодейке Саломее, и медленно жуем печенье.

Как хорошо, что здесь мы в безопасности, – ведь от библейских времен нас отделяют сотни лет и тысячи миль.

Любительница книг

Когда мы не можем отыскать мою сестру, мы знаем —

она на кухне под столом, с книгой в руке,

со стаканом молока и миской арахиса рядом.

Мы знаем, что можем громко звать Оделлу, можем стучать по столу все вместе изо всех сил, можем устроить хоровод, распевая «Из-за гор она приедет, из-за гор», и бегать вокруг стола, пока не закружится

голова и не надоест песня,

но наша сестра лишь медленно перевернет очередную страницу.

Начало

Я еще не умею писать, но уже в три года

я знаю букву «J».

Мне нравится, как она изгибается петелькой, а сверху я старательно подрисовываю ей ровненькую шляпку, как учит меня сестра. Нравится мне и как она звучит – «джей», и то, что она связана

с моим взрослым именем.

Настанет день, и я смогу написать его

сама.

И сестра не будет водить моей рукой, как сейчас, пока я еще не научилась.

Как удивительны слова, которые я постепенно начинаю понимать. Как чудесно, что с каждым днем я знаю их все больше.

– А слова когда-нибудь закончатся? – спрашиваю я всякий раз, когда запоминаю новое.

– Не-а, – отвечает мне пятилетняя сестра,

обещая мне бесконечность.

Хоуп

Юг не подходит моему брату.

От жары у него шелушится кожа.

– Не трогай! – предупреждает бабушка.

Но он не может удержаться и расчесывает кожу

до болячек.

От пыльцы растений у него распухают глаза,

его маленькие легкие дышат слишком часто

и шумно.

Он медленно двигается, его одолевают самые

разные болезни, которых раньше и в помине

не было.

Но в Огайо, где брат чувствует себя хорошо, его

не ждут. Мысли о Нельсонвилле, где остался милый дом и где так легко дышится, воспоминания о том, как он сидел на плечах у отца, не дают ему спать…

– Ну и оставайтесь на своем Юге! – сказал отец.

Сейчас Хоуп почти все время молчит, пока его не спросят о чем-нибудь, сидит, уткнувшись в комиксы про Супермена, которые дедушка приносит по пятницам. Хоуп в одиночестве просматривает их. И к утру понедельника оставляет растрепанный журнал с загнутыми страницами.

Юг —

его смертельный враг.

Юг – его Криптонит.

Почти друзья

Рядом с нами живет мальчик

с окном в сердце. Иногда днем он приходит

к нам посидеть во дворе и послушать

наши истории. Мы рассказываем ему,

что наша тетя Кей живет в Нью-Йорке и мы, наверное,

когда-нибудь тоже переедем туда. И да, действительно,

когда-то мы жили в Огайо,

поэтому говорим не так, как местные.

Про окно в сердце мы не спрашиваем. Бабушка

говорит,

что мы умные дети, а умные дети не задают глупых

вопросов.

Через дорогу от нас живет Кора

и ее сестры.

О них бабушка говорит одно:

– От Коры-и-ее-сестер держитесь подальше.

Мать бросила их,

сбежала с местным пастором.

Иногда Кора-и-ее-сестры сидят и смотрят на нас.

А мы смотрим на них и не спрашиваем, как это – жить без матери,

потому что бабушка говорит,

что умные дети не задают глупых вопросов.

Чуть дальше от нас живут три брата,

но мы знаем о них только от нашей бабушки.

Все лето они сидят в своем темном доме

и выходят из него только по вечерам, когда их мать возвращается с работы, но нас к тому времени давно уже искупали, одели в летние пижамы и усадили

с книжками в руках.

Все эти дети почти наши друзья, и мы частенько думаем о них, когда нам надоедает играть друг с другом.

Но бабушка говорит:

– Играйте втроем, трое – это целая компания. Придумайте, чем заняться.

Так мы и поступаем.

А когда нам хочется спросить ее: «Почему нам нельзя играть с другими?» – мы не спрашиваем.

Ведь мы умные дети и не задаем глупых вопросов.

Как говорить правильно

Когда мама впервые слышит, как брат говорит «ниче», она идет в дальний конец двора, где на пригорке растет ива, и срывает с нее ветку.

Очищает ее от листьев, и вслед за тем раздается вопль моего брата, потому что ветка больше не шумит красиво на ветру. В руках мамы она превращается в прут,

который со свистом опускается на ноги брата.

– Чтобы я не слышала

«ниче» в нашем доме! – повторяет мама. – Чтобы нигде и никогда не слышала от тебя «ниче».

Каждый свистящий удар – предостережение нам:

говорите правильно и четко.

Нам запрещено говорить «че?», «я собираюся», «вы хочете» или «ихний».

Нельзя отвечать «да, мэм» – только «да», а чтобы проявить уважение, достаточно смотреть собеседнице прямо в глаза.

– Никогда никому не говорите «мэм»!

Мама не выносит это слово – оно напоминает ей о временах рабства,

которые закончились

не так уж и давно…

Список запретных слов бесконечен…

– Вы с Севера, – говорит мама. – Вы должны говорить правильно.

Мы с Делл смотрим на темные следы, которые оставил ивовый прут на ногах брата, и боимся открыть рот. Вдруг оттуда вылетит что-нибудь южное или,

наоборот,

влетит.

У кондитерши

По пятницам дедушка ведет нас в кондитерскую, хотя бабушка беспокоится, что из-за него у нас не останется ни одного зуба – от сладкого они сгниют

и выпадут.

Но дедушка только смеется и заставляет нас открыть рты и показать, какие крепкие зубы мы унаследовали по его линии.

Мы все трое стоим с широко открытыми ртами,

выставив напоказ крепкие белые зубы,

и бабушке ничего не остается, как сказать: «Да, им

повезло», —

и отпустить нас.

В кондитерской все заставлено полками, на которых лежат шоколадные плитки, мармелад, леденцы, длинные красные лакричные палочки, похожие на струны, вафли «Некко», стоят коробки с надписями «Гуд энд Пленти», «Джуджуб», «Мун Пайз». Так много всего, что мы не можем выбрать, пока дедушка не скажет:

– Вы как хотите, а я возьму мороженое.

Хозяйка кондитерской, женщина с седыми волосами, которая никогда не улыбается, уходит в соседнюю комнату и вскоре приносит оттуда вафельный конус с высокой шапкой лимонного мороженого, которое сразу начинает таять. Хотя дело к вечеру, солнце печет нещадно, а сливочно-лимонное мороженое кажется таким прохладным и обещает избавить от жары хотя бы ненадолго, и мы в один голос говорим:

– И я, Папочка, и я хочу мороженое.

Из кондитерской мы возвращаемся молча, слышны только хлюпающие звуки,

когда мы пытаемся поймать ртом тающее мороженое, которое течет по рукам и так и норовит упасть на горячую сухую дорогу.

Южная Каролина борется

– Потому что мы имеем право, – говорит дедушка. Мы сидим у его ног, разговор сегодня о том, почему по всему Югу проходят марши протеста – ходить, сидеть, да что угодно делать там, где хотим. Сначала они привезли нас сюда. Потом мы бесплатно на них работали. Потом в восемьсот шестьдесят третьем вроде бы нас освободили, но на самом деле не дали никакой свободы. Вот поэтому люди так возмущаются.

И это правда, по радио без конца твердят о маршах протеста.

В центре Гринвилла мы постоянно видим подростков, которые разгуливают по большим магазинам или сидят в других местах, где чернокожим людям до сих пор

запрещено находиться. Они поступают так, как хотят,

их тела расслаблены,

их лица спокойны.

– Вот так и должны бороться чернокожие люди, —

говорит дедушка. – Если просто орудовать кулаками, толку не будет. Нужно настаивать на своем, но мягко. Двигаться к цели не спеша.

– Но нужно быть готовым умереть за правое дело, – продолжает он и добавляет:

– Быть готовым умереть

за все, во что веришь!

Никто из нас не представляет, что такое смерть,

но все-таки мы пытаемся, как можем.

Даже мама не остается в стороне. Втайне от

бабушки она собирается в центр, чтобы встретиться там с кузинами. Но только она, надев красивое платье и перчатки, выходит за порог,

как слышит:

– Будь осторожна, смотри не попадайся полиции!

И мама, точь-в-точь как маленькая девочка, отвечает:

– Не попадусь, мамочка!

– Больше ста лет прошло,

а мы все боремся за свободу,

которую вроде бы имеем, – говорит дедушка.

Борьба в Южной Каролине продолжается, и что бы мы ни делали: играли, сеяли, молились или спали – мы все равно ее участники.

– Потому что вы цветные, – объясняет дедушка. —

Вы такие же умные, красивые, свободные, как и другие люди.

Никто из цветных здесь, на Юге,

не остановится, потому что

мы боремся за справедливость.

Тренинги

К нам приезжает старшая, самая любимая мамина кузина Дороти и ее дети. Они сторонятся нас и говорят, что не могут разобрать ни слова ни у Хоупа, ни у Делл, ни у меня.

– Вы тараторите слишком быстро, и все слова у вас сливаются в одно, – объясняют они.

Они говорят, что мы слишком маленькие, играть с нами неинтересно, и уходят гулять по улицам Николтауна. А нам не разрешают, мы остаемся на веранде. Смотрим, как они уходят, слышим, как тетя Дороти говорит им:

– Эй, разбойники, поосторожнее, не попадите в беду!

Потом мы крутимся рядом с кузиной Дороти и делаем вид, что не слушаем, о чем она говорит, но она, конечно же, все замечает. Ведь стоит ей рассмеяться, мы смеемся вслед за ней, стоит покачать головой, мы тоже качаем.

– Знаешь, почему нужно посещать эти тренинги? —

спрашивает тетя, и мама кивает. – Без них тебе никуда не разрешат выходить. Нужно знать, как себя вести, если вдруг те люди нападут на тебя.

Между зубами у нее маленькая щелочка, такая же, как у мамы, и у Хоупа, и у Делл. Тетя красивая, высокая и широкоплечая, с темной кожей.

Она носит перчатки и темные платья, которые заказывает у портнихи из Чарлстона.

Тренинги проходят в подвалах церквей, подсобках магазинов – везде, где люди могут собраться. Их проводят даже во время долгих поездок.

На них учат,

как изменить Юг, не прибегая к насилию, как не реагировать на выпады, как двигаться к цели медленно, но верно.

Как сидеть в кафе и слышать оскорбления в свой адрес, но не отвечать тем же, не устраивать драку, если твою тарелку с едой или стакан нарочно опрокинут.

Даже подростков учат держаться с достоинством,

не плакать, не поддаваться страху.

– Но боже мой, – говорит кузина Дороти, – у всякого терпения

есть предел! Сидя за ланчем в кафе, я молю Бога,

чтобы никто не плюнул в меня!

Я могу быть душечкой Дороти семь дней в неделю,

двадцать четыре часа в сутки —

только не переступайте этих границ!

Иначе конец мирному протесту!

Одеяло

В самый первый раз мама едет в Нью-Йорк ненадолго, только на длинные выходные, целует нас в щеки, ее глаза блестят от возбуждения, она горячо обещает нам:

– Всем вам привезу подарки.

Вечер пятницы, впереди целый уик-энд,

нас ждет кондитерская, и моя рука лежит

в руке Папочки.

Бабушка жалуется:

– Он совсем не умеет говорить «нет».

Но и сама она тоже не умеет.

Приводит в порядок наши платья, чулки и ленты,

разглаживает и подвивает наши кудри.

Нас с сестрой она называет своими малышками

и всегда довольно улыбается, если соседки говорят,

что мы хорошенькие.

Поэтому, когда мама едет в Нью-Йорк первый

раз,

мы и не думаем расстраиваться, безграничная любовь бабушки и дедушки покрывает нас с ног до головы, будто мягкое одеяло, под которым тепло и спокойно.

Мисс Белл и участники движения

Выглядят они как самые обычные гости, которые пришли навестить нашу соседку мисс Белл. Они держат завернутые в фольгу блюда,

кто-то приходит вдвоем, кто-то в одиночку,

есть среди них и женщины с малышами на руках.

Можно подумать, что люди заглянули скоротать с мисс Белл вечерок. Возможно, они прихожане местной церкви и собрались поговорить о Боге.

Но вот мисс Белл закрывает ставни, люди раскладывают еду по тарелкам, наливают сладкий чай и начинают

говорить о движении.

А ведь мисс Белл работает у белой леди, которая сказала ей:

– Я немедленно уволю вас, если только увижу с этими!

Но мисс Белл знает, что есть разные способы

помочь движению, и необязательно выходить на марши.

Она знает, что их участники должны быть сыты,

чтобы работала голова,

им нужно безопасное место, чтобы собираться.

Она, как и ее белая хозяйка, внимательно следит за событиями и ждет, когда борьба закончится. Именно для этого мисс Белл старается, чтобы стаканы у гостей были полны, нарезает кукурузный хлеб, раскладывает по тарелкам картофельный салат, стоит на кухне, прикидывая, как бы нарезать лимонный пирог, чтобы хватило всем.

А утром, перед тем как достать из шкафа свою униформу, она молится:

– Господи, дай мне и моим соратникам новый день!

Аминь!

Как слушать № 2

В магазинах

люди смотрят на нас враждебно,

потому что мы темнокожие.

Салон красоты

Субботний вечер пахнет свежим печеньем и жжеными волосами. После ужина бабушка превратила кухню в настоящий салон красоты. Все как на самом деле, на столе щипцы, помада для волос «Дикси Пич», щетка из конского волоса, шпилька для распутывания, в кресле одна клиентка.

– Сначала Джеки, – говорит сестра.

Нам только что помыли головы, надели на нас светлые хлопковые ночные рубашки, поверх набросили

полотенца, на которых в беспорядке рассыпаны

наши мокрые кудри.

Сестра открывает книгу на нужной странице и с миской арахиса на коленях устраивается на стуле, придвинутом вплотную к дровяной печке.

Буквы в книжках такие мелкие, и, чтобы разобрать слова, я прищуриваюсь. «Ханс Бринкер, или Серебряные коньки».

«Дом на Пуховой опушке». «Швейцарская семья Робинзонов».

Книги толстые, с растрепанными страницами, побывали

во многих руках, их перечитали все наши соседи.

Сестра обращается с книгами очень бережно,

делает закладки, отрывая от бумажного пакета

коричневые полоски,

и всегда вытирает руки,

прежде чем приподнять твердую обложку.

– Почитай мне, – прошу я, а расческа в это время так больно дергает мне волосы, что слезы подступают к глазам. И пока бабушка нагревает на огне щипцы, чтобы распрямить мои спутанные кудри, голос сестры плывет по кухне, и для меня исчезают запахи волос, масла и огня, я забываю обо всем и сижу на стуле смирно, будто ласковая рука на плече удерживает меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vudson_zhaklin/mechty-temnokozhey-devochki

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить